

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИУМА

МЕТОДОЛОГИЯ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

А. В. Юревич

*Институт психологии РАН,
Москва, Россия,
e-mail: av.yurevich@mail.ru*

Автор излагает и обосновывает методологию количественной оценки психологического состояния современного российского общества. Для оценки этого состояния был применен разработанный автором композитный индекс, основанный на интеграции шести первичных показателей. Применение Индекса позволило количественно оценить динамику психологического состояния российского общества с 1991 по 2016 гг. Автор анализирует эту динамику, соотнося с социально-экономическими и политическими событиями. Анализируется также динамика первичных показателей, входящих в состав Композитного индекса. Приводятся данные других исследований — социологических и психологических, характеризующих психологическое состояние современного российского общества и его динамику. Делается вывод о существовании социо-психо-соматических влияний, состоящих в том, что социальные процессы получают отражение в психологическом состоянии граждан, которое, в свою очередь, имеет важные соматические последствия.

Ключевые слова: макропсихология, современное российское общество, психологическое состояние, количественная оценка, композитный индекс, динамика, социо-психо-соматические влияния.

DOI: 10.7868/S1819265318010090

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 17-78-30035

Для цитаты: Юревич А. В. (2018). Методология количественной оценки психологического состояния современного российского общества // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 155–173.

Количественная макропсихология

В первые годы постсоветских реформ для нашего общественного сознания

был характерен «экономический детерминизм» — восприятие и объяснение происходящего в социуме как детерминированного преимущественно эконо-

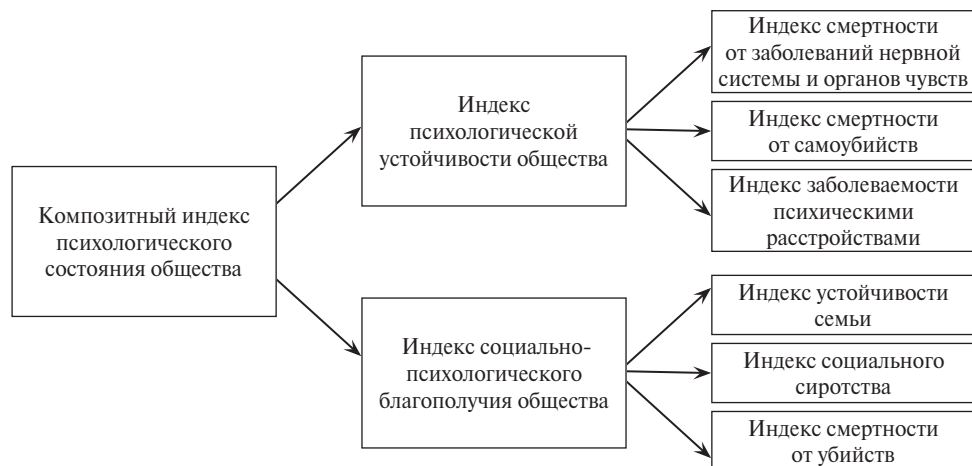

Рис. 1. Структура композитного индекса психологического состояния общества

мическими причинами. Практически все основные цели, которые ставились перед нашим обществом в начале реформ — построение рыночной экономики, рост ВВП, укрепление рубля, снижение инфляции и т.п. — носили чисто экономический характер, а такие проблемы, как острейшая социальная несправедливость, криминализация, коррупция, деградация морали, социальная и физическая незащищенность граждан и другие, хотя и не были обделены вниманием властных структур и СМИ, все же рассматривались в качестве второстепенных. Разумеется, было бы абсурдным отрицать чрезвычайную важность перечисленных экономических целей, но их достижение само по себе не обеспечивает главной задачи любых реформ — *повышения благополучия граждан*, а, например, вопрос о том, можно ли считать благополучной страну, где ВВП растет, а численность населения ежегодно сокращается, принадлежит к числу риторических.

Несмотря на очевидные недостатки «экономического детерминизма», который А. Токвиль подвергает в своих работах (Тоqueville, 1955 и др.) разрушительной критике, К. Поланьи называет

«экономическим заблуждением» (Polanyi, 1957), а М. Рац — «отрыжкой марксизма», подчеркивая производность «упертости в экономику» от марксистского разделения общества на экономический базис и, в общем-то, второстепенную социальную надстройку (Рац, 1997), подобный стиль мышления и объяснения происходящего в обществе не преодолен до сих пор, причем нашим экономистам-либералам, формально отвергнувшим марксизм, он свойственен не меньше, чем его правоверным адептам, свидетелем чему может служить, например, книга Е. Т. Гайдара «Гибель империи. Уроки для современной России» (Гайдар, 2006).¹

Вместе с тем в современной социогуманитарной науке сложилась очевидная необходимость более разностороннего, многомерного видения общества и многопланового рассмотрения факторов, влияющих на происходящее в социуме и перспективы его развития. Одним

¹ Впрочем, в подобных случаях можно допустить и «защитный» характер узко-экономических объяснений, позволяющих объяснить действия реформаторов «объективной» экономической необходимостью, которая снимает с них личную ответственность за эти действия.

из таких факторов является *психологическое состояние общества*,² по своей значимости вполне сопоставимое с его политическими и экономическими характеристиками. Для оценки этого состояния нами был разработан *композитный индекс макropsychологического состояния общества*, объединяющий два вторичных индекса — индекс психологической устойчивости общества и индекс его социально-психологического благополучия, каждый из которых в свою очередь интегрирует три первичных индекса (рис. 1).³

В качестве первичных индексов рассматривались показатели, во-первых, релевантные макropsychологическому состоянию общества и выражающие его, во-вторых, оцениваемые количественными показателями, которые имеются в статистических справочниках. В этом плане расчет данного индекса продолжает традицию, сложившуюся хотя и не в психологической науке, но имеющую к ней непосредственное отношение (Гундаров, 2001 и др.). В частности, как отмечает В. В. Сулакшин, «в научной литературе

известны попытки косвенного описания психологического состояния общества через количественные замеры девиантного поведения: убийств, самоубийств, проявления поведенческих агрессий, для которых существуют статистические данные» (Сулакшин, 2006, с. 76–77). А первой попыткой такого рода исследования, очевидно, следует считать одну из наиболее резонансных работ Э. Дюркгейма «Самоубийство: социологический этюд» (Дюркгейм, 1998).

На первый взгляд, подобный подход — оценка психологического состояния общества по его *социальным* проявлениям, фиксируемым на уровне статистики, — существенно отличается от традиции вычисления количественных показателей, сложившейся в самой психологической науке. Однако эти различия не следует переоценивать. В тех случаях, когда психолог судит, например, о психологических качествах человека по результатам их тестирования, он тоже оценивает скрытые психологические сущности по их поведенческим или вербальным проявлениям. И в этом плане оценка психологического состояния общества на основе статистических данных не имеет принципиальных отличий от повседневной исследовательской практики психологов — за одним исключением, состоящим в том, что в первом случае «скрытой психологической сущностью» выступает психологическое состояние не отдельно человека, а общества в целом.

Аналогичный подход становится очень характерным для современной социогуманитарной науки, параллельно распространяясь в различных дисциплинах — в социологии, демографии и т.д. Социологи вычисляют индексы социальных настроений, социального оптимизма, удовлетворенности жизнью, социального самочувствия населения и другие (Балацкий, 2005; Бойко, 1985), имеющие ярко выраженную психологическую

² Изучение этого состояния относится к области *макropsychологии* — относительно новой области психологической науки (См.: Юревич, 2014). Если традиционными объектами психологического исследования являлись отдельные психические процессы (память, внимание, мышление и др.), личность, малые и большие группы, то макropsychология изучает психологические процессы, релевантные обществу в целом, чем, в частности, отличается от социальной психологии, «заканчивающейся» на уровне больших социальных групп. А *относительная* новизна этой области психологического исследования связана в числе прочего и с тем, что труды основателей социальной психологии и психологической науки в целом — «Психология народов и масс» Г. Лебона (Лебон, 1896), «Проблемы психологии народов» В. Вундта (Вундт, 1912) и др. — были посвящены именно макropsychологическим сюжетам.

³ Перечисленные на рисунке первичные индексы можно сгруппировать и другими способами. Например, объединив во вторичные индексы 1) психические расстройства и смертность от заболеваний нервной системы и органов чувств; 2) социальное сиротство и устойчивость семьи; 3) убийства и самоубийства.

составляющую.⁴ Демографы подсчитывают такие индексы, как коэффициент витальности страны (Сулакшин, 2006)⁵, тоже имеющие психологический оттенок. Широкое распространение получили и исследования такого феномена, как качество жизни, а также близких ему феноменов — субъективного благополучия, счастья, и др., в изучении которых активное участие принимают и психологи (Biderman, 1974; Keltner, Locke, Audrian, 1993). В разных социогуманитарных дисциплинах тенденции имеют общий знаменатель — *стремление количественно оценить социальные и психологические характеристики общества*, которые традиционно носили качественный характер, а также акцентировать для власти и общественного сознания их значимость в наиболее убедительной форме — в виде количественно зафиксированных тенденций.⁶

⁴ Подчеркнем, что и первичные компоненты этих индексов тоже во многом психологизированы. Например, индекс удовлетворенностью жизнью, предлагаемый Е. В. Балацким, включает такие первичные показатели, как творческая самореализация, эффективные неформальные социальные контакты (дружба, общение, взаимопонимание, секс и т.п.) (Балацкий, 2005).

⁵ Следует отметить, что вообще в данной, написанной профессиональным демографом, работе, которая посвящена причинам ухудшения демографической ситуации в современной России, социально-психологическим факторам придается первостепенное значение. Правда, автор обращается с психологическими понятиями нетрадиционным для психологии образом. В частности, констатируя, что «психология человека — очень неопределенный предмет» (Сулакшин, 2006, с. 73), в качестве ключевого фактора, определяющего демографическое поведение, он обозначает «социально-психологические мотивации личности и населения», относя к последним «психологию разума, бессознательного, воли, веры и сверхсознательного» (Балацкий, 2005, с. 48–49).

⁶ С. С. Сулакшин, например, по поводу вводимого им коэффициента витальности страны пишет: «введение данного параметра объясняется также стремлением операционализировать в управленческом и правовом смысле признание человеческой жизни высшим мерилем государственно-управленческой успешности» (Сулакшин, 2006, с. 27).

Относительно первичных показателей, положенных в основу расчета композитного индекса макропсихологического состояния общества, тоже следует сделать ряд замечаний.

Во-первых, каждый из них имеет не только психологический смысл и в рамках сложившихся традиций их использования, как правило, употребляется не в психологическом значении. Однако, наряду с этими значениями, каждый из них обладает и психологическим смыслом. Первичные показатели, на основе которых рассчитывается первый вторичный индекс, в большей степени релевантны *уровню личности* и характеризуют ее психологическую устойчивость, а первичные показатели, лежащие в основе второго вторичного индекса, релевантны *уровню межличностных отношений*, характеризуют степень их благополучности, устойчивость «первичных ячеек» общества, свойственное ему отношение к детям и к человеческой жизни вообще, сложившуюся в нем морально-психологическую атмосферу и т.п. При этом каждый из первичных показателей представляет собой «агрегированное явление, в котором уже произведено первичное «схлопывание», сжатие социальной информации» (Балацкий, 2005, с. 43).

Во-вторых, композитный индекс макропсихологического состояния общества интегрирует далеко не все показатели, имеющие макропсихологический смысл. Вообще довольно трудно найти существенный для общества и потому фиксируемый в статистических справочниках показатель, который был бы полностью лишен психологического значения. Вместе с тем построение композитных индексов предполагает естественные ограничения: нельзя «объять необъятное», охватив все более или менее релевантные показатели, и к тому же они обладают разной степенью психологической релевантности. Как подчеркивает Е. В. Балацкий,

«число факторов не должно быть слишком большим (не больше 15), поскольку в противном случае индекс станет непрозрачным, а интерпретация количественных результатов превратится в трудоемкую процедуру» (Балацкий, 2005, с. 43). Поэтому в композитный индекс были включены лишь статистические показатели, обладающие наибольшей психологической релевантностью.

В-третьих, не все показатели оказались приемлемыми в условиях сложившейся в нашей стране системы их расчетов. Например, характеристикой общества, явно релевантной его психологическому состоянию, является уровень алкоголизма. Однако в нашей официальной статистике в качестве соответствующего показателя рассматривается количество лиц, обратившихся к наркологам. И, поскольку такая традиция, в отличие от традиции обильного потребления спиртного, не характерна для России (мало кто из наших сильно пьющих сограждан обращается к наркологам, имея для этого все основания), то по данному параметру мы выйдем как практически непьющая нация, что явно противоречит и здравому смыслу, и статистике потребления спиртного на душу населения.

В-четвертых, наиболее высокой психологической релевантностью обладают «мягкие» индексы — индексы социального самочувствия, социальных настроений и др., вычисляемые российскими социологическими службами. Однако они подсчитываются на основе выборочных опросов населения, не соотносимы с общестатистическими показателями и «привязаны» к определенным выборкам. Поэтому, не отвергая возможности вычисления и использования подобных индексов в дальнейшем, на данном этапе было целесообразно ограничиться лишь «жесткими» индексами, вычисляемыми на основе общероссийских статистических показателей. Следует отметить и то,

что «слишком «податливые» индикаторы часто улавливают случайные социальные изменения, своего рода «белый шум», что лишь дезориентирует аналитика» (Балацкий, 2005, с. 46). Так что и в данном плане «жесткие» индексы имеют определенные преимущества.

Первичные индексы рассчитывались на базе удельных показателей, т.е. соотношенных с численностью населения. Все значения показателей переводились в баллы от 1 до 10 (чем выше балл, тем выше значение соответствующего индикатора психологического состояния общества). Нормализация — перевод показателей в баллы — осуществлялась на основе сопоставления показателей по России с аналогичными показателями более развитых стран (согласно классификации ООН), разрабатываемыми соответствующими международными организациями. Первичный индекс — нормализованная оценка показателя в баллах от 1 до 10 — рассчитывался по формуле:

$$Y = 9 * \frac{V_{max} - V_y}{V_{max} - V_{min}} + 1$$

где V_y — значение конкретного показателя для России за определенный год,
 V_{max} — максимальное значение показателя среди стран данной группы в течение рассматриваемого периода (1990–2016 гг.),
 V_{min} — минимальное значение соответствующего показателя в указанном международном контексте.

Вторичные индексы и композитный индекс рассчитывались как среднеарифметическое индексов более низкого порядка.

Обнаружилась высокая корреляция первичных индексов между собой, т.е. высокая согласованность различных показателей макропсихологического состояния общества (табл. 1).

Высокая корреляция между первичными показателями свидетельствует об их

Таблица 1.

Коэффициенты корреляции (пирсона) первичных показателей

Показатель	Коэффициент заболеваемости психическими расстройствами и т.п.	Коэффициент смертности от заболеваний нервной системы и органов чувств	Коэффициент смертности от самоубийств	Коэффициент разводимости	Удельное число детей и подростков без попечительства родителей	Коэффициент смертности от убийств
Коэффициент заболеваемости психическими расстройствами и т.п.		0,581	0,646	0,41	0,97	0,664
Коэффициент смертности от заболеваний нервной системы и органов чувств	0,581		0,756	0,492	0,684	0,865
Коэффициент смертности от самоубийств	0,646	0,756		0,284	0,716	0,905
Коэффициент разводимости	0,41	0,492	0,284		0,434	0,57
Удельное число детей и подростков без попечительства родителей	0,97	0,684	0,716	0,434		0,725
Коэффициент смертности от убийств	0,664	0,865	0,905	0,57	0,725	

взаимовлиянии. Одновременно она означает правомерность их объединения и рассмотрения в качестве выражения единого целого — макропсихологического состояния общества. Факторный анализ подтверждает этот вывод (рис. 2).

Первый фактор объясняет почти 72% дисперсии и удовлетворяет критерию Кайзера — преодолевает порог собственного значения в 1,0. Таким образом, макропсихологические индикаторы образуют структуру с выраженным генеральным фактором. Двухфакторное решение хотя и не достигает уровня статистической значимости, заслуживает внимания и поддается однозначной содержательной интерпретации. По первому фактору оказываются нагруженными все параме-

тры, за исключением одного — числа разводов, которое проявляет себя как единственный параметр, имеющий высокую нагрузку по второму фактору.

Был проведен также дополнительный анализ динамики индекса психологического состояния общества. Исходное предположение состояло в том, что, возможно, некоторые параметры, вошедшие в индекс, быстрее реагируют на изменение этого состояния, чем другие. Для проверки этого предположения была подсчитана регрессионная зависимость динамических характеристик составляющих индекса — ежегодного прироста или снижения их величины, а также прогнозируемого значения индекса (на следующий год). Наиболее сильным предиктором

изменения индекса оказался такой параметр, как возрастание или уменьшение количества убийств ($R^2 = 0,501$, $p < 0,004$). Таким образом, изменение криминальной обстановки в обществе наиболее чутко реагирует на наметившиеся изменения в его психологическом состоянии.

В целом проведенный статистико-математический анализ позволяет сделать вывод, что все макропсихологические характеристики общества, объединенные композитным индексом, выражают взаимосвязанные стороны его психологического состояния, различающиеся, однако, по динамике их проявления. Некоторые из них быстрее откликаются на его изменение, другие же обладают большей латенцией.

Динамика психологического состояния современного российского общества

По сложившейся в психологической науке традиции обсуждение психологических сюжетов принято начинать с констатации актуальности темы. Не хочется нарушать эту традицию, тем более что в отечественном психологическом сообществе с некоторых пор следование традициям приветствуется больше, чем введение инноваций. Однако фраза о том, что психо-

логическое состояние современного российского общества является либо остается актуальной проблемой, была бы тривиальной либо вообще бессмысленной. Психологическое состояние *любого* общества является актуальной проблемой, поскольку психологические проблемы имеются в любом, даже в самом благополучном в психологическом плане, обществе, особенно в современном «психологическом обществе» (Сироткина, Смит, 2008) (наверное, более удачным был бы термин «психологизированном»), а любая социальная, экономическая и т.д. проблема имеет ярко выраженный психологический контекст. Современное российское общество, естественно, не только не является исключением, но при этом, как и любое переходное общество, имеет дополнительные психологические проблемы и к тому же обладает своей психологической спецификой, связанной с такими общеизвестными факторами, как специфика российского менталитета (Косов, 2007 и др.) и т.п.

В этих условиях закономерно, что разнообразные исследования современного российского общества, осуществляемые в социологии, экономике и других социогуманитарных науках, неизбежно обращаются и к психологическим сюжетам, свидетельством чему могут служить,

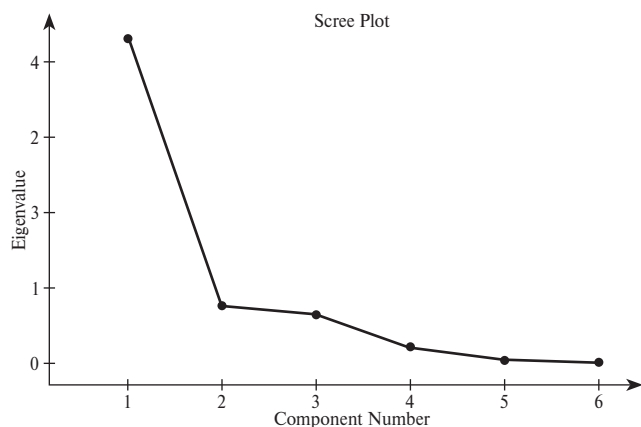

Рис. 2. Собственные значения факторов в факторном анализе компонентов композитного индекса макропсихологического состояния общества

например, социологические работы, цитируемые в этой статье. Разумеется, и психологи в контексте изучения самых различных проблем — ценностных ориентаций, российского менталитета, доверия и др. — уделяют внимание психологическому состоянию нашего общества, при этом, как правило, давая ему довольно негативные характеристики.

Динамика психологического состояния современного российского общества на основе использования композитного индекса, методология расчета которого изложена выше, показана на рис. 3.

Интерпретация динамики психологического состояния нашего общества с 1990 по 2004 г. была дана нами ранее (Юревич, 2014 и др.). Как видно на рис. 3, оно постоянно ухудшалось с 1991 по 1994 гг., затем ежегодно улучшалось до 1998 г., впоследствии вновь ухудшалось до 2002 г., после чего обнаружило тенденцию к улучшению.

Подобную динамику несложно объяснить, исходя из общих тенденций в развитии нашего общества и их преломления в психологическом состоянии населения. Радикальные социально-политические

реформы, переход к рыночной экономике, «шоковая терапия» и т.п. вызвали дезадаптированность основной части населения к новому общественному устройству, приводя к ежегодному ухудшению его психологического состояния. К 1994 г. произошла психологическая адаптация большей части наших сограждан к реформам, что выразилось в тенденции к улучшению его психологического состояния, выявляемой и в других исследованиях. Но в 1998 г. грянул дефолт, повлекший за собой ухудшение материального положения значительной части населения, а также нарастание недоверия к власти, массовое ощущение социальной нестабильности и др., и породивший новую волну ухудшения психологического состояния российского общества. Это ухудшение продолжалось до 2002 г., когда ситуация в стране более или менее стабилизировалась и сформировались новые механизмы адаптации, после чего оно вновь стало улучшаться. Таким образом, психологическое состояние российского общества, измеряемое с помощью композитного индекса, чутко реагировало на происходящие в стране изменения, вместе с тем

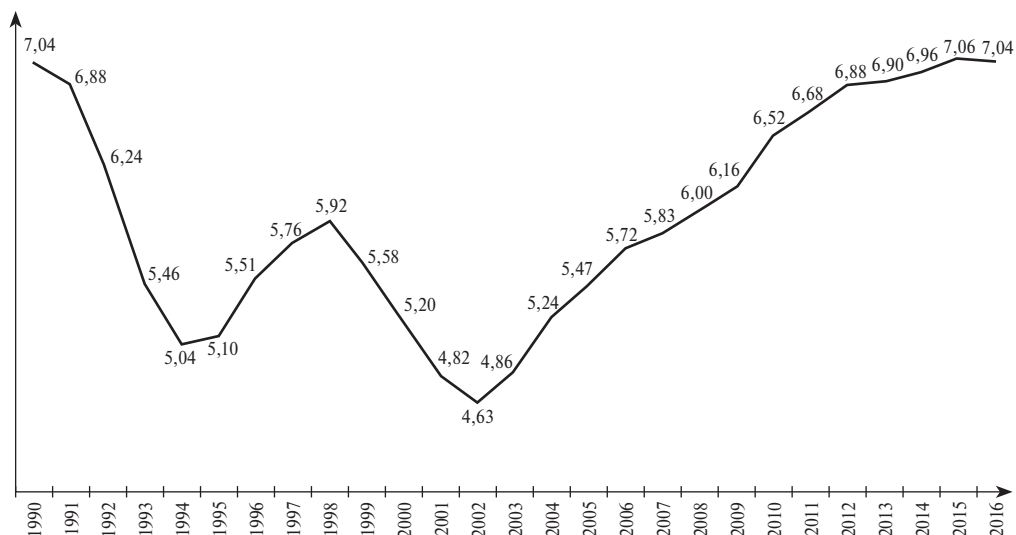

Рис. 3. Композитный индекс психологического состояния современного российского общества

обнаруживая некоторое отставание от экономических и социально-политических событий, требующих времени для адаптации к ним и их психологического «переваривания» населением.

В дальнейшем психологическое состояние нашего общества продолжало улучшаться вплоть до 2015 г. и лишь в 2016 г. обнаружило тенденцию к некоторому, хотя и малозначительному, ухудшению. Этот период захватил «тучные годы», когда цены на нефть были высоки, экономическое состояние населения в целом улучшалось и в нашей стране не происходило сколь-либо дестабилизирующих ее жизнь событий, за исключением разве что «маршей несогласных» и таких событий, как происшедшие на Болотной площади, мало влиявших на жизнь и психологическое состояние основной части населения. Вместе с тем он захватил экономические кризисы 2008 г. и последних лет, а также воссоединение с Крымом, войну на Донбассе, экономические санкции, обострение противостояния с Западом и др., т.е. в своей поздней части был отнюдь не «спокойным».

На фоне всего этого — и значимых социальных событий, как в более поздний период, так и их отсутствия, как в более ранний, психологическое состояние нашего общества продолжало улучшаться. Здесь можно допустить три возможности. Либо эти события, даже потенциально обещающие иметь негативное влияние на психологическое состояние наших сограждан, такие как санкции и экономические кризисы, в действительности этого влияния не имели, и оно продолжало улучшаться в силу каких-либо своих имманентных закономерностей. Либо позитивное влияние одних событий, например, воссоединения с Крымом, перевешивало негативное влияние других — санкций, противостояния с Западом и др. Либо происходила *аккумуляция* психологического влияния негативных социаль-

ных событий последних лет, которая будет иметь *латентный* психологический эффект в дальнейшем. В принципе, эти возможности не противоречат друг другу, а некоторое ухудшение психологического состояния нашего общества в 2016 г. подтверждает третью возможность. Вместе с тем и такие социальные явления, как противостояния с Западом, могут иметь позитивный психологический эффект за счет массового чувства гордости за нашу страну, удовлетворения от того, что она проводит самостоятельную внешнюю политику и т.п., что подтверждается ростом патриотизма в нашем обществе, фиксируемым эмпирическими исследованиями (Журавлев, Юревич, 2016 и др.). А существование имманентных закономерностей изменения психологического состояния общества подтверждается его улучшением с 1994 по 1998 г. и в «спокойный» период после 2002 г., когда происходила психологическая адаптация населения соответственно к экономическим реформам начала 1990-х и экономическому кризису 1998 г. Из последнего можно заключить, что после негативных социально-экономических событий при условии их отсутствия в последующий период психологическое состояние населения улучшается, наверное, главным образом, за счет адаптационных механизмов. В то же время его некоторое ухудшение в 2016 г. порождает тревожные ожидания, проверка оправданности которых требует дальнейшего мониторинга.

Поскольку примененный для выявления динамики психологического состояния нашего общества индекс *ком-позитный*, имеет смысл проследить, как изменялись в течение рассмотренного периода первичные индексы (рис. 4–9) (напомним, что чем лучше ситуация по рассмотренному показателю, тем выше значение соответствующего индекса).

Индекс самоубийств обнаружил в общем ту же динамику, что и композитный

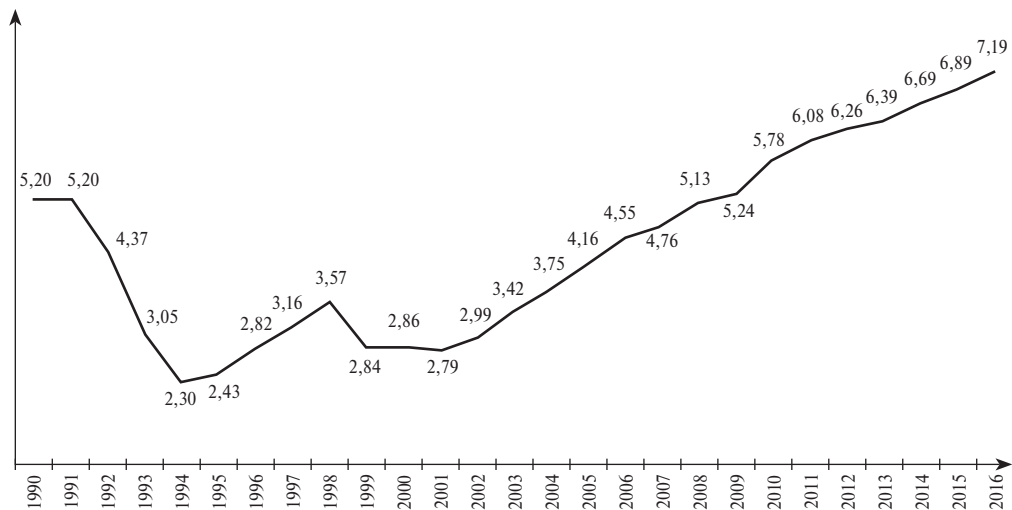

Рис. 4. Индекс самоубийств

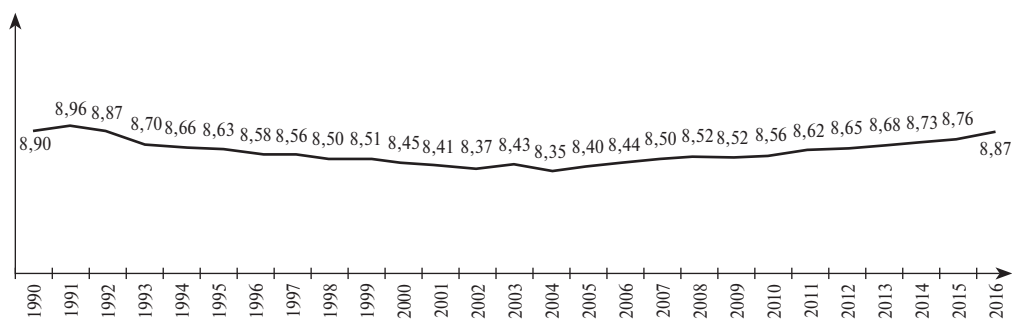

Рис. 5. Индекс заболеваемости психическими расстройствами и расстройствами поведения

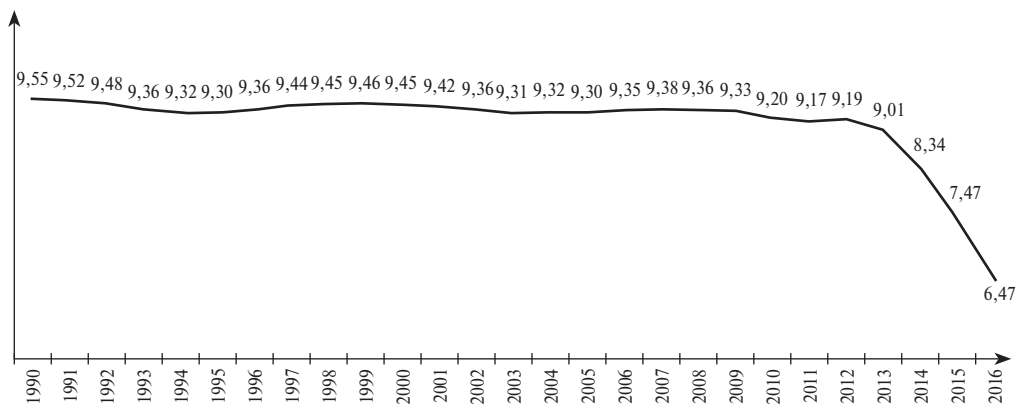

Рис. 6. Индекс смертности от заболеваний нервной системы и органов чувств

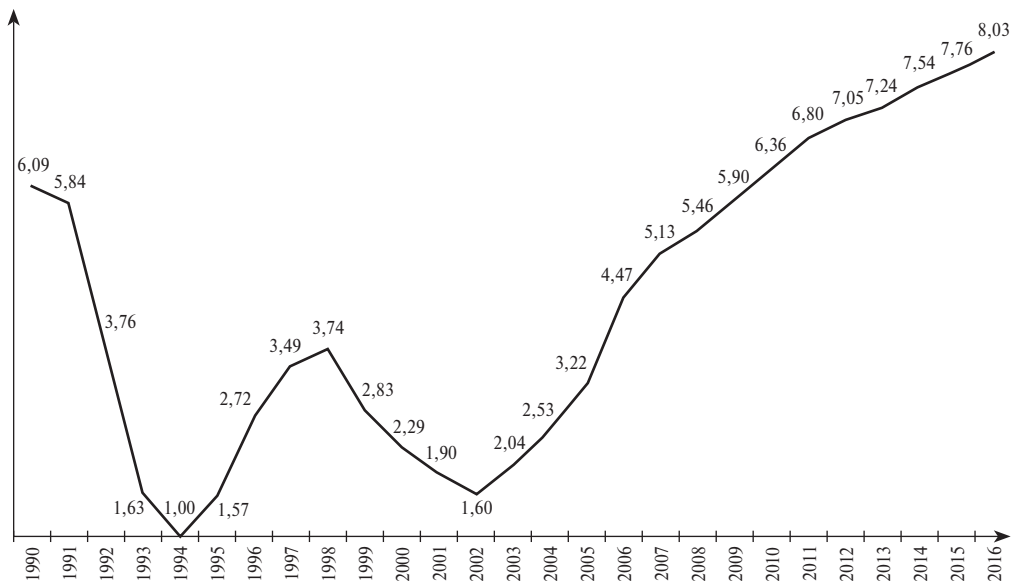

Рис. 7. Индекс смертности от убийств

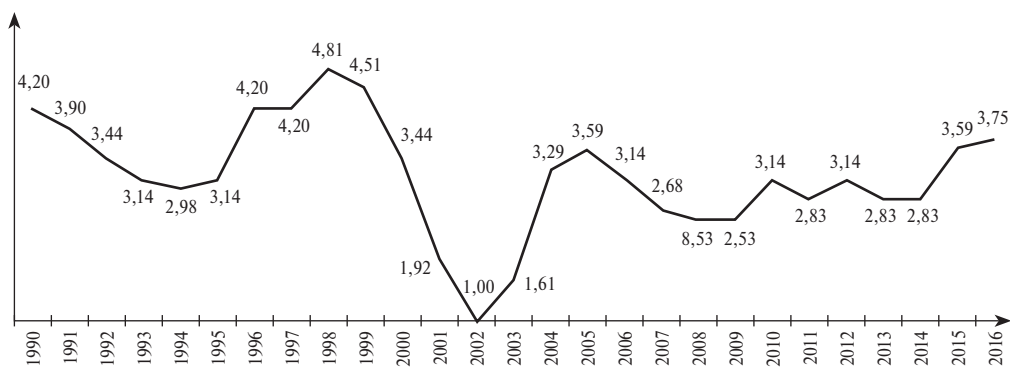

Рис. 8. Индекс разводимости

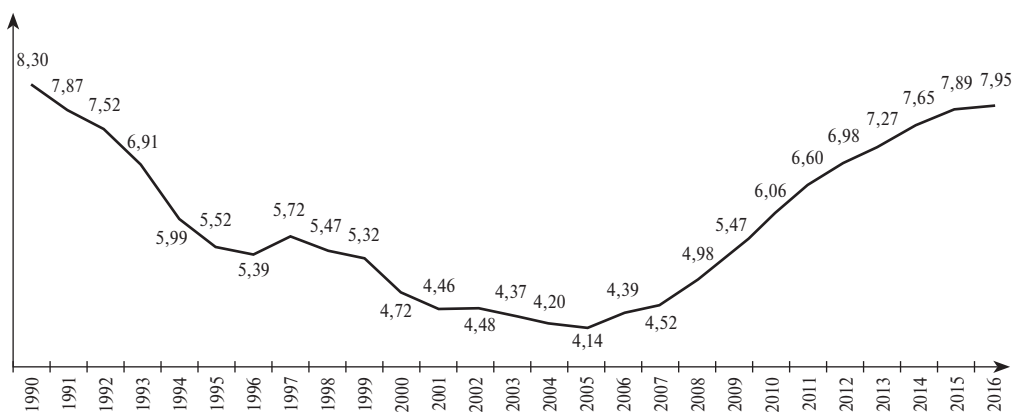

Рис. 9. Индекс социального сиротства

индекс, за тем исключением, что он не только не снизился, но, наоборот, возрос в 2016 г. Индекс заболеваемости психическими расстройствами и расстройствами поведения вообще практически не изменялся. Индекс смертности от заболеваний нервной системы и органов чувств почти не изменялся до 2013 г., а затем резко пошел вниз. Индекс смертности от убийств тоже изменялся синхронно с композитным индексом, но, как и индекс самоубийств, не снизился в 2016 г. Индекс разводимости изменялся так же, как композитный показатель, до 2005 г., а затем обнаружил сложную динамику, то снижаясь, то возрастая. Индекс социального сиротства нелинейно снижался до 2005 г., затем возрастал, а в 2016 г., как и композитный индекс, несколько снизился.

Естественно, каждый из первичных показателей имеет самостоятельный и не только психологический смысл, и динамика каждого из них, например, количества самоубийств или социальных сирот, результирует самые различные факторы. Не ставя в данном контексте очень сложную (и имеющую самостоятельное значение) задачу анализа этой динамики, оценим ее лишь в наиболее глобальном контексте — общих изменений в нашей стране.

Заболеваемость психическими расстройствами и расстройствами поведения оказалась практически независимой от этих изменений, что, вообще говоря, довольно странно и плохо поддается объяснению. Смертность от заболеваний нервной системы и органов чувств тоже не реагировала на наиболее существенные события в жизни нашего общества до 2013 г., что тоже малопонятно, а затем стала резко возрастать. Последнее можно объяснить тем, что она либо очень быстро реагировала на события последних лет (но тогда странно, что она практически не реагировала на более ранние существенные события, такие, как, например,

дефолт и экономические кризисы), либо она *аккумулирует* в себе более, и при том намного, ранние события. Социальное сиротство, во многом зависимое от социально-психологической атмосферы в семьях и т.п., по всей видимости, является наиболее «запаздывающим» показателем, реагирующим на социальные изменения с большим временным лагом. Кроме того, его масштаб, вероятно, существенно сократился под влиянием Программы поддержки материнства и других государственных программ. Количество разводов чутко реагировало на социальные изменения в стране до 2005 г., а затем изменялось скачкообразно, по всей видимости, попав под влияние каких-то других факторов. В данной связи отметим, что, в отличие от других первичных показателей психологического состояния общества, этот показатель не носит однозначно *негативного* характера (см.: Юревич, 2014), и, хотя распад семьи принято считать негативным событием, он может приводить к формированию новой и более счастливой семьи, может быть следствием улучшения экономического состояния общества (например, разбогатевший муж заводит себе более молодую и более красивую жену, или, напротив, жена — мужа), тесно связан с такими факторами, как любовь и ее угасание и т.п. Что же касается убийств и самоубийств, то они обнаружили в целом ту же динамику и зависимость от социальных событий, что и композитный индекс, с тем различием, что они не снизились в 2016 г. Последнее, очевидно, говорит о том, что происходящее в нашем обществе в последние годы пока не склоняет наших сограждан ни к убийствам, ни к самоубийствам, а порождает другие формы психологического и социального реагирования.

Наибольшую тревогу из рассмотренных первичных показателей, естественно, вызывает смертность от заболеваний нервной системы и органов чувств, резко

возрастающая с 2013 г., на которую органам нашей власти, безусловно, стоит обратить внимание. По всей видимости, за ней стоят какие-то сложные механизмы *соматизации* социальных процессов — социо-психо-соматизации, приводящие к тому, что эти процессы могут иметь не всегда понятные психосоматические последствия.

По поводу же композитного индекса в целом можно констатировать, что он является *результатирующей* показателей, которые, хотя и обнаруживают некоторые элементы общей динамики, в тоже время не всегда вписываются в нее, иногда обнаруживая и собственную динамику. Это обстоятельство, возможно, в какой-то мере ставит под сомнение правомерность единого композитного индекса (отчасти напоминающего «среднюю температуру по больнице»), но все же, скорее, является следствием сложности и многокомпонентности такого понятия, как «психологическое состояние общества».

Другие оценки психологического состояния нашего общества

Имеет очевидный смысл соотнести выявленную картину с другими оценками психологического состояния нашего общества, не претендуя, естественно, на сколь-либо исчерпывающую подборку таких оценок.

По данным социологов, даже в самый тяжелый кризисный период 2009 г. количество пессимистов в нашей стране составляло лишь 14%, большинство же населения — 67% — считало ситуацию тяжелой, но не катастрофической (Горшков, Петухов, 2015). Экономический кризис 2014–2015 гг. привел к менее резким изменениям в умонастроениях граждан, чем это было в 2008–2009 гг. Осенью 2014 г. доля оптимистов в стране хотя и незначительно, но все же превышала долю пессимистов (соответственно

45% и 43%). Начавшийся кризис на уровне страны в целом был воспринят россиянами относительно спокойно и отнюдь не качественно изменил их мироощущение. Это явление социологи объясняют тем, что либо наши сограждане постепенно привыкают к кризисам, либо масштаб воздействия на них кризиса 2014–2015 гг. был меньшим, чем в кризисные периоды 1998–1999 и 2008–2009 гг.

Социально-психологический климат в стране был не так плох, как этого следовало ожидать, исходя из опыта 1998 и 2008 г. Так, оценивая социально-психологическое состояние окружающих их людей, в 2014 г. 42% россиян, а в 2015 г. 36% оценили его как позитивное — эмоциональный подъем, спокойствие, уравновешенность, а как негативное — безразличие, апатия, тревога, раздраженность, озлобленность, агрессия — в 2014 г. 58%, а в 2015 г. — 64%. При этом из негативных социально-психологических состояний преобладала тревога (36%). Таким образом, делают из этого выводы авторы исследования, кризис негативно повлиял на настроения россиян, однако, во-первых, не очень сильно, во-вторых, вызвал при этом вовсе не стремление «идти на баррикады» (что происходит, когда населению, как кажется, терять уже нечего), а более прозаическое чувство тревоги.

Динамика оценок нашими согражданами своего личного социально-психологического состояния выглядит следующим образом: позитивное состояние — эмоциональный подъем, спокойствие, уравновешенность — у себя констатировали в 1998 г. 11%, в 1999 г. — 14%, в 2000 г. — 20%, в 2001 г. — 33%, в 2002 г. — 34%, в 2009 г. — 53%, в 2013 г. — 63%, в 2014 г. — 54%, в 2015 г. — 49%, а негативное социально-психологическое состояние — безразличие, апатия, подавленность, тревога, страх, раздраженность, озлобленность, агрессия — в 1998 г. 89%, в 1999 г. — 86%, в 2000 г. — 80%,

в 2001 г. — 67%, в 2002 г. — 66%, в 2009 г. — 47%, в 2013 г. — 37%, в 2014 г. — 46%, в 2015 г. — 51% (Горшков, Петухов, 2015). Таким образом, налицо позитивная динамика личного социально-психологического состояния наших сограждан с 1998 по 2014 г, лишь в 2015 г. сменившаяся на негативную, при том весьма умеренную. 2015 г. продемонстрировал некоторое продолжение негативной динамики: позитивное личное социально-психологическое состояние отметили 47%, а негативное — 53%. При этом существенную динамику обнаружила только одна негативная позиция: чувства безразличия, апатии и подавленности стали проявляться в 2 раза чаще. Хуже обстояло дело с оценкой россиянами социально-психологического состояния своего окружения, которое в 2016 г. позитивно оценила только треть опрошенных, причем более половины респондентов констатировали в этом окружении такие чувства, как тревогу, раздраженность, озлобленность и агрессию. Полученные данные социологи резюмируют выводом о том, что весной 2016 г. социальное самочувствие россиян было довольно мрачным (Горшков, Петухов, 2016).

При этом обнаружилась тенденция к более позитивной оценке личного социально-психологического состояния по сравнению с оценкой социально-психологического состояния окружающих и ситуации в стране в целом, что воспроизводит выявляемый во многих социально-психологических исследованиях феномен, не имеющий простого объяснения.

Явный психологический смысл имеет и оценка нашими согражданами социальной напряженности в нашем обществе. Сочли, что эта напряженность существенно или немного снижается 21% в 2008 г., 4% в 2009 г. и 21% в 2015 г., что она существенно или немного возрастает 57% в 2008 г., 78% в 2009 г. и 64% в 2015 г., что она остается без изменений 32,1% в 2008 г.,

13,1% в 2009 г. и 15% в 2015 г. Как видим, здесь динамика непростая и не однонаправленная (Горшков, Петухов, 2015).

В 2013 г. наиболее оптимистические чувства как в восприятии ситуации в стране в целом, так и в личном социально-психологическом состоянии наблюдались у жителей мегаполисов, что, как отмечают авторы исследования, типично для стран догоняющего развития, где крупные города и, в первую очередь, столицы, являются средоточием экономической жизни (добавим, что в России различия в уровне жизни города и деревни существенно большие, чем в большинстве европейских стран). Но при этом крупные города первыми принимают на себя последствия экономических кризисов и к тому же горожане вообще более критичны. Поэтому именно у них произошло резкое снижение вычисляемого социологами *индекса спокойствия* как на уровне оценки ситуации в стране — на 14 баллов, так и на личном уровне — на 20 баллов. То есть наши горожане и более оптимистичны (что естественно, поскольку они живут в целом лучше), но в то же время и более возбудимы, чем сельские жители (что тоже естественно с учетом большей нервозности городской жизни).

Представляет естественный психологический интерес и вопрос о *динамике психологических качеств россиян*. Как показывают опросы, сами россияне считают, что человеческие качества их соотечественников изменились за постсоветский период не в лучшую сторону. Отвечая на вопрос «Как, на ваш взгляд, изменились люди и отношения между ними за последние 10–15 лет?», они констатировали резкое снижение таких качеств, как доброжелательность, душевность, искренность, бескорыстие, честность, ослабление которых отметили 59–61% опрошенных. При этом большая часть респондентов отметила рост агрессивности и цинизма. В то же время сравнение результатов

опросов, проведенных в 2012 и 2015 гг., продемонстрировало, что в этот период наметилась тенденция к усилению позитивных и ослаблению негативных качеств, т.е. в последнее время наблюдается утешительная динамика.

Относительно деловых качеств россиян, таких как активность, целеустремленность, инициативность, обнаружился разброс оценок: 33% считают, что за последние 10–15 лет они усилились, и почти столько же — 32% — что они ослабли, и это противоречит расхожему представлению о том, что деловые качества россиян однозначно нарастают: очевидно, у кого-то они нарастают, у кого-то, особенно у тех, кто не вписался в наш специфический вариант рыночной экономики, — снижаются.

А вот в отношении таких качеств, как образованность, способность к сотрудничеству, трудолюбие, большинство респондентов констатирует либо отрицательную динамику, либо отсутствие изменений. Причем в данном плане и в период 2012–2015 гг. наблюдается негативная динамика.

Похожую динамику демонстрируют качества, которые авторы исследования относят к категории социальных, но которые при этом имеют и ярко выраженную психологическую составляющую. Большинство опрошенных констатируют снижение за последние 10–15 лет уважения к старшим и к женщинам, верности своим товарищам, доверия друг к другу, ответственности за то, что происходит вокруг, патриотизма, хотя и в этом плане сравнение 2012 и 2015 гг. демонстрирует позитивную тенденцию (Горшков, Петухов, 2015).

Эти данные в сочетании с приведенными выше данными о динамике психологического состояния россиян демонстрируют, что психологическая адаптация наших сограждан к новым условиям жизни в нашей стране происходит, но ценой,

в том числе, изменения психологического облика наших сограждан, в котором такие его традиционные атрибуты, как доброжелательность, душевность, искренность, бескорыстие, честность, постепенно стираются, вытесняемые такими качествами, как агрессивность и цинизм. Как пишет А. Н. Шаров, «Наблюдаемый период в развитии современного российского общества можно охарактеризовать как время достаточно высокой адаптивности населения к сложившейся в обществе ситуации, но также и как время напряженных ожиданий и опасений, обусловленных как сравнительно низким уровнем жизни основной массы населения страны, так и ощущением “ненадежности” человеческого существования в этих условиях» (Шаров, 2014, с. 121).

Данные социологов демонстрируют, что после небольшого улучшения оценок ситуации в стране в конце 2015 г. весна 2016 г. принесла очередной всплеск массовых тревожных умонастроений. Количество россиян, оценивающих ситуацию в России как напряженную, достигло 65%, а доля тех, кто воспринимает ее как спокойную и нормальную, снизилась до 18%. В то же время количество так называемых «катастрофистов» осталось практически неизменным и составило 8%. Позитивное же личное социально-психологическое состояние — эмоциональный подъем, спокойствие и уравновешенность — отметили 50% (Горшков, Петухов, 2016).

Выявился и характерный для кризисных периодов социально-психологический феномен: люди воспринимают прошлое намного лучше, чем настоящее и будущее (Горшков, Петухов, 2016). Данные опросов, проводимых психологами, в общем соответствуют социологическим данным. Так, опрос петербуржцев, проведенный в 2012 г., продемонстрировал, что две трети опрошенных либо полностью удовлетворены, либо скорее удовлетворены, чем не удовлетворены своей жизнью,

а доля полностью неудовлетворенных ею составила лишь 6,8% (Шаров, 2014). При этом 83,6% опрошенных либо уверены, что с ними и их близкими и в будущем все будет хорошо, и испытывают лишь некоторую, но весьма незначительную тревогу за будущее, а ожидание крупных неприятностей, страх перед будущим испытывают 15,9% петербуржцев, что, впрочем, тоже немало (Шаров, 2014).

В целом же психологи обычно дают довольно негативные характеристики социально-психологической атмосферы в нашем обществе, правда, как правило, имея в виду не тенденции последних лет, а ситуацию, наблюдающуюся с начала постперестроечного периода. Они пишут о том, что «психопатологические явления общественного и индивидуального сознания значительно усилились в постперестроечный период в связи с массивным давлением ценностей и норм, не совместимых с ее (России. — А. Ю.) традиционными архетипами» (Зобов, Матвеев, Сугакова, 2014, с. 237), «отмечается повышение напряженности в семейных отношениях, ухудшение взаимоотношений между поколениями, разрыв семейных связей, дефицит эмоциональной близости в семье, нарастание взаимного равнодушия, рост конфликтogenности и криминогенности семейной среды» (Самсонова, 2014, с. 164), «социальная среда сегодня агрессивна, особенно в отношении молодого поколения. Огромное число факторов социального риска обрушивается на молодежь с самого начала ее сознательной жизни» (там же, с. 153) и т.п.

Психологи также считают, что наиболее тревожной тенденцией, особенно отчетливо проявляющейся среди российской молодежи, является снижение коллективизма, традиционно считавшегося одной из главных характеристик российского менталитета, и, соответственно, повышение уровня индивидуализма, причем его наиболее асоциального варианта,

характеризующегося ущемлением интересов других людей (Боенко, 2005).

Н. А. Журавлева на основе осуществленных ею эмпирических исследований также приходит к выводу о том, что у нашей молодежи происходит переориентация с общественных проблем на личные, коллективизм постепенно сменяется индивидуализмом, наблюдается преобладание материальных ценностей над духовными, возрастание значимости для личности денег сопровождается снижением в иерархии ценностных приоритетов ориентаций на творчество, познание, общение с друзьями и честность. А в иерархии ценностных приоритетов старших школьников снижается вес альтруистических ценностей — любви и чуткости (Журавлева, 2014). Эти данные получены на молодежных группах, но трудно не согласиться с тем, что «именно в молодежной среде формируется новый тип личности, который будет доминировать в будущем» (там же, с. 185).

Можно, конечно, предположить — вслед за нашими так называемыми «либералами», что наше общество просто становится *другим*, не таким, каким оно было традиционно, новые ценности и новые ценностные иерархии постепенно принимаются массовым сознанием, что не должно приводить к ухудшению психологического состояния нашего общества. Но, во-первых, одни его члены, особенно молодежь, органически принимают новые ценности, другие — нет, и у последних их внедрение, как и их принятие определенной частью общества, порождает негативные эмоции и ухудшает их психологическое состояние. Во-вторых, внедрение ценностей, противоречащих основным характеристикам российского менталитета, вызывает болезненные для общества процессы, негативно сказывающиеся на его психологическом состоянии, которое, в свою очередь, оказывает влияние на соматические процессы.

Например, как пишет протоиерей Вадим Леонов, «попытки как-либо вытеснить или подавить стыд с помощью развлечений, самооправдания, лжи и т.д. приводят к глубоким духовным травмам, влекущим различные психические и физиологические последствия (неврозы, фобии, бессонницу, головные и сердечные боли и т.д.)» (Леонов, 2013, с. 156).

А психотерапевты отмечают, что в последнее время в общественном сознании намечается возврат синдрома девяностых годов прошлого века: пациенты часто обращаются с жалобами на тревожно-подавленное внутреннее состояние, значительное снижение работоспособности, утрату вкуса к жизни, рассеянность и т.п. (Зобов, Матвеева, Сугакова, 2014). Психотерапевты подчеркивают также такую характеристику современного общественного сознания россиян, как психическая диссоциация, т.е. разъединенность нормального целостного функционирования психики, ее неуравновешенность и перегруженность фрустрационными состояниями, а также социальное отчуждение, потеря личностной идентичности, аутизм и одиночество (там же).

Вместе с тем отмечаются и позитивные тенденции в динамике психологического состояния нашего общества, в частности, снижение количества молодых россиян, которые испытывают беспокойство или страх перед будущим (Козлов, Утишева, 2005).

* * *

Полученные с помощью макропсихологического композитного индекса данные о динамике психологического состояния нашего общества соответствуют данным социологов, демонстрирующим его улучшение на протяжении длительного периода и некоторое ухудшение в последнее время, и расходятся с мнением психологов, дающих ему в основном негативные характеристики.

Строго говоря, и во втором случае нет противоречия. Во-первых, подсчитанный нами индекс характеризует *динамику* психологического состояния российского общества, в то время как психологи в своих оценках дают ему в основном статичную характеристику, часто вытекающую из результатов исследований, проведенных в прежние годы, и подчас имеющую «запаздывающий» характер. Во-вторых, психологи чаще характеризуют психологические качества наших сограждан и *нравственную* атмосферу в обществе, конечно, связанную с его психологическим состоянием, но непростой связью, особенно с теми характеристиками общества, которые учитываются композитным индексом. Что же касается данных социологов, то они, будучи основаны на результатах опросов, фиксируют несколько более раннее наступление тенденции к ухудшению — в 2015 г., нежели композитный индекс, основанный на показателях, имеющих более латентный характер.

В то же время, абстрагируясь от различий в конкретных оценках, следует в заключение подчеркнуть, что мы живем в достаточно *напряженном*, в том числе и психологическом плане, обществе, что вообще характерно для переходных социумов (вопрос о том, от чего и к чему мы переходим, естественно, невозможно затрагивать в данном контексте). Экономический кризис, противостояние с Западом, причем впервые в нашей истории с *консолидированным* Западом (в прежние годы мы противостояли одним западным странам, имея в союзниках другие), санкции, отсутствие внятной национальной идеи, огромное имущественное расслоение в современной России и другие подобные факторы создают в нашем обществе очень напряженную ситуацию, которая неизбежно проецируется и на психологический уровень. Как показывают данные социологов, эта напряженность порождает у наших сограждан

не рост протестных и революционных настроений, а возрастание тревожности, апатии, неуверенности в завтрашнем дне и другие негативные психологические состояния. Эти состояния, в свою очередь, неизбежно *соматизируются*, вызывая психические расстройства, нервно-психические заболевания, психосоматические болезни и т.п. При этом подобные явления носят запаздывающий характер по отношению к социальным процессам, являясь продуктами *психологической аккумуляции* реакции населения на них. В свою очередь, эти продукты обещают иметь социальный эффект, который может серьезно угрожать стабильности нашего общества.

Все это, разумеется, не должно породить тотальный пессимизм, который тоже и в социальном, и в психологическом плане разрушителен для общества, тем более что и отмеченные позитивные психологические тенденции достаточно существенны. Но адекватное понимание глубинных, не лежащих на поверхности, сложных социо-психо-соматических процессов, неизбежной соматизации социальных явлений тоже необходимо для достижения одной из основных *социальных* (есть, естественно, и когнитивные) целей всей отечественной социогуманитарной науки — улучшения состояния нашего общества.

Литература

- Балацкий Е. В.* (2005). Факторы удовлетворенности жизнью: измерение и интегральные показатели // Мониторинг общественно-го мнения. № 4. С. 42–52.
- Бойко Н. И.* (2005). Экономические реформы, ценности и российская полиментальность // Социальные и ментальные тенденции современного российского общества / под ред. В. Е. Семенова СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. С. 48–68.
- Бойко В. В.* (1985). Рождаемость. Социально-психологические аспекты. М.: Мысль.
- Вундт В.* (1912). Проблемы психологии народов. М.: Космос.
- Гайдар Е. Т.* (2006). Гибель империи. Уроки для современной России. М.: Российская политическая энциклопедия.
- Горшков М. К., Петухов В. В.* (ред.) (2015). Российское общество и вызовы времени. Кн. вторая. М.: Весь мир.
- Горшков М. К., Петухов В. В.* (ред.) (2016). Российское общество и вызовы времени. Кн. четвертая. М.: Весь мир.
- Гундаров И. А.* (2001). Демографическая катастрофа в России: причины, механизмы, пути преодоления. М.: УРСС.
- Дюркгейм Э.* (1998). Самоубийство: социологический этюд. СПб.: Союз.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В.* (2016). Патриотизм как объект изучения психологической науки // Психологический журнал. № 4. С. 88–98.
- Журавлева Н. А.* (2014). Актуальные тенденции в ценностных ориентациях молодежи в современном российском обществе // Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / под ред. А. Л. Журавлева, М. И. Володиной, Т. В. Галкиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». С. 171–191.
- Зобов Р. А., Матвеев А. М., Сузакова Л. И.* (2014). Проблема здоровья человека в современном обществе // Российское общество: проблемы социального согласия и развития / под ред. В. Е. Семенова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. С. 233–240.
- Козлов А. А., Утишева Е. В.* (2005). Проблематика социального здоровья и здорового образа жизни молодежи (на материале социологического исследования) // Социальные и ментальные тенденции современного российского общества / под ред. В. Е. Семенова СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. С. 124–143.
- Косов А. В.* (2007). Ментальность как мировоззренческая система и компонента мифосознания // Методология и история психологии. Вып. 3. С. 75–90.
- Лебон Г.* (1896). Психология народов и масс. СПб.: Ф. Павленков.
- Леонов В., протоирей* (2013). Основы православной антропологии: Учебное пособие. М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной церкви.

Рац М. В. (1997). Идея открытого общества в современной России. М.: Магистр.

Самсонова Т. И. (2014). Компетентность молодого поколения и будущее российского общества // Российское общество: проблемы социального согласия и развития / под ред. В. Е. Семенова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. С. 150–166.

Сироткина И. Е., Смит Р. (2008). «Психологическое общество» и социально-политические перемены в России // Методология и история психологии. Вып. 3. С. 73–90.

Сулакшин С. С. (2006). Российский демографический кризис: от диагностики к преодолению. М.: Научный эксперт.

Шаров А. Н. (2014). Петербуржцы 2012: проблемы и перспективы // Российское общество: проблемы социального согласия и раз-

вития / под ред. В. Е. Семенова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. С. 121–132.

Юревич А. В. (2014). Психология социальных явлений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН».

Biderman A. D. (1974). Social Indicator: Whence and Whither // Social Indicators and Marketing / R. L. Clewett, J. C. Olson (eds.). Chicago: American Marketing Association. P. 27–44.

Keltner D., Locke K. D., Audrian P. C. (1993). The Influence of Attributions on the Relevance of Negative Feelings to Personal Satisfaction // Personality and Social Psychology Bulletin. Vol. 19. P. 21–29.

Polanyi K. (1957). The Great Transformation. Boston: Beacon Press.

Toqueville A. (1955). The Old Regime and the French Revolution. NY.: Anchor.